

Осторожно: книгоцид

Спрашиваю: «Нравится?» — «Хорошо», — сказал Блок, а потом прибавил: «У меня в деревне библиотеку сожгли».

Из воспоминаний Владимира Маяковского

...Легенда гласит, что однажды к всемогущему царю Рима Тарквинию Гордому подошла дряхлая старуха-чужестранка, которая предложила ему купить за колоссальную сумму девять книг. Царь со смехом отказался, и тогда старуха на глазах правителя сожгла три из них. А затем предложила купить оставшиеся шесть за ту же цену. Тарквиний решил, что старуха сошла с ума, после чего женщина сожгла еще три книги и вновь повторила свое предложение. И тут царь испугался. За оставшиеся книги он велел заплатить незнакомке столько же золота, сколько она просила за девять, и долгие века книги пророчицы Сивиллы помогали Риму находить мудрое решение в самых невероятных ситуациях. В 405 году по приказу узурпатора Стилихона три Сивилины книги были уничтожены — а 4 сентября 476 года Римская империя пала. Возможно, именно потому, что не было больше чудесного источника мудрости, так долго спасавшего Вечный город.

Конечно, это всего лишь легенда. Однако мысль о том, что утрата книг способна привести к фатальным последствиям, существует столько же, сколько сами книги. Рукописи, к сожалению, горят, что бы там ни говорил известный персонаж

Булгакова: из восьмидесяти пьес Эсхила сегодня известно лишь семь. Из девяноста восьми трагедий Еврипида — девятнадцать, и этот печальный список можно продолжать так долго, что только перечисление займет не один том. Автор исследования, которое мы представляем на суд читателя, не смог «объять необъятное», сосредоточившись на тех проявлениях книгоида, которые по тем или иным причинам показались ему наиболее яркими.

В том, что касается книг, Ричард Овенден — настоящий фанатик. Больше того: он жрец книг, вершащий таинства в своем храме — Бодлианской библиотеке Оксфордского университета, которой руководит с 2014 года. Овенден — единственный библиотекарь, удостоенный за свою профессиональную деятельность Ордена Британской империи.

Всю свою жизнь Овенден посвятил служению тому, что сам он определяет как «сохранение записанных знаний». Казалось бы, сегодня, в цифровой век, когда благодаря интернету любая информация доступна практически мгновенно, бумажные библиотеки утрачивают свою актуальность, однако для Ричарда Овендена это далеко не так. Напротив: чем дальше продвигаются новые технологии, тем важнее сохранить старые собрания. Ведь интернет не только плодит ложную информацию, так называемые фейки, которые очень сложно отличить от истины, но и контролируется крупными корпорациями, имеющими свои резоны исказить и дозировать информацию. Именно поэтому так важно сохранение бумажных книг как эталона истины в специально создаваемых хранилищах — библиотеках.

Понимание этого факта пришло не в последние десятилетия: практически одновременно с появлением письменности появились и те, кто желал уничтожить записанные знания.

Начиная с Хеттского царства, с Ниневии и Ассирии всегда находились те, кто хранил знания, и те, кто по разным причинам пытался им в этом помешать. Этому противостоянию, насчитывающему уже не одно тысячелетие, Овенден и посвящает свой труд.

Библиотека Ашшурбанипала и Александрийская библиотека, библиотеки аббатства Гластонбери и Конгресса США, тамильская библиотека в Джафне и многие другие в разное время испытали на себе всепожирающее пламя книгоцида. Костры из книг на площадях средневековой Европы ничем не отличались от костров, пылавших в нацистской Германии или современном Ираке. Многие шедевры, многие бесценные исторические свидетельства прошлого оказались утрачены для человечества навсегда. «Неудобные» книги продолжают сжигать и сегодня, причем даже в государствах, которые принято считать цивилизованными.

Обо всем этом Ричард Овенден, жрец книжного храма, и написал свою книгу. Написал для тех, кто разделяет его ценности и его стремление сохранить «записанное знание».

Разумеется, взгляд автора — это взгляд с Запада. Овенден, к сожалению, практически не затрагивает в своем исследовании российскую историю, множество драматических событий которой сопровождалось сожжением книг.

Еще в «Кормчей книге» конца XIII века предписывается уничтожать огнем «еретические писания». Огромное количество древнерусских рукописей погибло в ходе ордынского нашествия. Сожжением книг сопровождалось походы Ивана III на Новгород и борьба с «раскольниками»-старообрядцами. Сгинула без следа таинственная библиотека Ивана Грозного, по слухам, таившая в себе множество сокровищ. В огне Большого московского пожара 1812 года погибло множе-

ство уникальных книжных собраний, в том числе библиотека А. И. Мусина-Пушкина, содержащая единственный оригинальный список «Слова о полку Игореве».

После Октябрьской революции по приказу жены Ленина, Надежды Крупской, возглавившей Главполитпросвет, из библиотек массово изымались для уничтожения книги Платона, Канта, Шопенгауэра, Аксакова, Лескова как «идеологически вредной и устаревшей» литературы. По словам самой Крупской, это начинание встретило такое сопротивление, что «в некоторых губерниях потребовалось вмешательство ГПУ». И разумеется, колоссальный ущерб национальным книжным коллекциям был нанесен во время Великой Отечественной войны: в частности, по данным исследователей, погибло 83 % всех книжных собраний Белоруссии.

Отдельно необходимо сказать о гибели книг в ходе конфликтов на постсоветском пространстве. Так, в 1992 году прогрузинскими ополченцами был сожжен сухумский архив, в 1994–1995 годах были практически полностью уничтожены библиотеки в Грозном и ряде других городов Чеченской Республики...

Но всегда находятся и те, кто, рискуя собственной жизнью, встает на пути у фанатиков с факелами. Неслучайно на латыни слово *liber* означает и «книга», и «свобода».

*Аркадий Рух,
литературовед*

П реследование евреев в Европе при нацистском режиме обрушилось страшным ударом не только на «народ Книги» (как самоидентифицируют себя евреи в течение тысяч лет), но и на их книги. По имеющимся оценкам, во время Холокоста, в период от прихода нацистов к власти в Германии в 1933 году до окончания Второй мировой войны, было уничтожено свыше 100 миллионов книг [1].

Книги всегда играли центральную роль в еврейской религии и культуре. Средоточием еврейской жизни является вполне конкретная книга, Тора (обычно в виде свитка), имеющая настолько важное значение, что когда в 70-е годы н. э. Иерусалим пал под властью римлян, один из хранившихся в Иерусалимском храме свитков Торы был торжественно пронесен императором Титом по улицам Рима как символ победы. Не меньшее значение в жизни евреев имело множество других книг, и, по еврейской культурной традиции, истинное богатство измерялось в книгах — одалживать их считалось благотворительностью. В отношении книг возникло немало особых законов, от правил обработки пергамента для изготовления свитков Торы до требований к обращению со священными книгами: к примеру, их нельзя было держать верх ногами или открывать не с целью чтения. Сохранение знаний в течение многих тысячелетий было вписано в еврейские законы. Наиболее известной формой подобного принудительного сохранения знаний является «гениза», существующая

в синагогах во всем иудейском мире. Генизы, название которых происходит от персидского слова «гандж», означающего «склад» или «спрятанное сокровище», представляют собой хранилища для обрывков текстов, содержащих письменное слово Господне; слова эти рассматриваются иудейским законом как нечто живое, и когда они ветшают, им следует оказывать надлежащие почести. Обычно генизы имеют вид небольших шкафов, но иногда, как в синагоге Бен-Эзра в Фустате в Каире, они существовали в течение столетий как обширные складские помещения. При разборке генизы в Каире в конце XIX и начале XX века оказалось, что в ней содержатся сотни тысяч обрывков книг и документов, относящихся ко временам вплоть до VII–VIII веков, — поразительный архив еврейской культуры, теперь хранящийся в библиотеках по всему миру, включая Бодлианскую [2].

Еврейские книги не только неоднократно уничтожались публично, но и становились целью преднамеренных краж и конфискаций в попытке оценить и понять культуру, которую нацистское государство стремилось искоренить. Наряду с массовым уничтожением книг предпринимались усилия по их сохранению со стороны сообществ и отдельных лиц, которые рисковали жизнью (и порой ее лишались) ради спасения важнейшего физического воплощения их культуры.

Связанным с сожжением книг событиям мая 1933 года потребовалось некоторое время, чтобы обрести размах, отчасти из-за негативной реакции мирового сообщества. Во главе тех, кто выступал против сожжения книг и предупреждал о последствиях, стояли писатели. Слепоглухая писательница Хелен Келлер опубликовала «Письмо студентам Германии»: «Вы можете сжечь мои книги и книги лучших умов Европы, но содержащиеся в них идеи просочились по миллионам каналов

и продолжают воодушевлять умы других» [3]. В сентябре 1933 года с осуждением «революции неотесанной деревенщины против мысли, против здравого рассудка и против книг» выступил писатель Герберт Уэллс (чьи книги также сжигались), задаваясь вопросом, «куда подобное заведет Германию» [4].

В качестве протеста, по сути, возникли две новые библиотеки. Год спустя, 10 мая 1934 года, в Париже открылась Deutsche Freiheitsbibliothek (Немецкая библиотека Свободы, известная также как Немецкая библиотека сожженных книг). Немецкую библиотеку Свободы основал немецко-еврейский писатель Альфред Канторович при поддержке других писателей и мыслителей, таких как Андре Жид, Бертран Рассел и Генрих Манн, быстро собрав свыше 20 000 томов — не только книги, предназначенные к сожжению в Германии, но также копии ключевых нацистских текстов, чтобы понять зарождающийся режим. Уэллс был горд, что его имя связывают с новой библиотекой. Библиотека стала центром притяжения для немецких интеллектуалов-эмигрантов, организуя чтения, лекции и выставки к немалому неудовольствию немецких газет. После сдачи Парижа немцам в 1940 году библиотека была закрыта, и многие из ее томов стали частью собраний Национальной библиотеки Франции [5]. В декабре 1934 года Бруклинский еврейский центр в Нью-Йорке основал Американскую библиотеку запрещенных нацистами книг, в состав совета которой вошли известные мыслители, включая Альберта Эйнштейна и Эптона Синклера. Библиотека была объявлена средством сохранения и продвижения еврейской культуры во времена возобновившегося притеснения [6].

Сожжение книг 10 мая 1933 года стало лишь предвестником, возможно, наиболее организованного и обеспеченного ресурсами искоренения книг за всю историю [7]. Хотя

количество книг, уничтоженных на этом этапе, было невелико (и, возможно, завышено), психологический эффект оказался сокрушительным, и после этих событий многие евреи покинули Германию [8]. Постепенный рост антисемитских настроений продолжался по мере того, как Германией была аннексирована сперва Австрия, а затем Судетская область Чехословакии. Неотъемлемой частью этой кампании стали атаки на книги. Сожжение их продолжалось, и различные нацистские группировки начали составлять списки нежелательных книг (включавшие помимо написанных евреями также сочинения коммунистов и гомосексуалистов). Библиотечный сектор также не устоял перед нацистскими призывами, и один из ведущих немецких библиотекарей, Вольфганг Германн, составил список запрещенных авторов, ставший весьма влиятельным в Германии. Так же поступил Альфред Розенберг (впоследствии ставший рейхсминистром по делам оккупированных восточных территорий), чьи взгляды на культуру и идеи были крайне важны для Гитлера и других ведущих нацистов. Подобные списки, исполнение которых обеспечивалось полицией и Sturmabteilung (военизированным крылом нацистской партии), использовались министерством пропаганды во главе с Йозефом Геббельсом для разжигания ненависти к евреям, в результате чего книжные магазины, библиотеки и личные жилища очищались от нежелательных книг. Списки запрещенных книг стали семенами, упавшими на плодородную почву после Первой мировой войны и экономического коллапса 1920-х годов. Восхождение нацизма поддерживалось всеми слоями общества, в частности Германн поощрял студенческие группировки изымать из местных и университетских библиотек книги из этих списков. Подстегивая ненависть, Германн описывал немецкие библиотеки как

«литературные бордели». На конференции немецких библиотек в 1933 году один докладчик активно выступал за сожжение книг и конфискацию произведений еврейских и левых писателей [9].

Германское общество было отравлено нацизмом, что неизбежно отразилось на мире книг, идей и знаний. По мере принятия антиеврейских законов росло число нападения на синагоги и уничтожались многие еврейские религиозные библиотеки. Уничтожение книг стало неотъемлемой частью Холокоста, крайнего примера организованного истребления культуры. 10 ноября 1938 года Рейнхард Гейдрих, архитектор «Окончательного решения», многозначительно упоминал о конфискации еврейских архивов в телеграмме, адресованной нацистской партии накануне Хрустальной ночи, называвшейся «Massnahmen gegen Juden in der heutigen Nacht» («Меры против евреев сегодняшней ночью»). После архивы стали еще чаще становиться целью для уничтожения: «Существующие архивные материалы должны быть конфискованы полицией во всех синагогах и предприятиях еврейских религиозных общин, чтобы не допустить их уничтожения в процессе демонстраций... Архивные материалы должны быть переданы в соответствующие департаменты Sicherheitsdienst [Службы безопасности]» [10].

В 1939 году, с началом Второй мировой войны, гестапо начало методичную программу по конфискации, но мотивы для захвата еврейских архивных собраний делились между конфискацией и уничтожением. Работу гестапо взяла на себя квазиакадемическая организация, получившая официальный статус, штат и финансирование, под названием

Institut zur Erforschung der Judenfrage (Институт изучения еврейского вопроса). Эту организацию, базировавшуюся во Франкфурте-на-Майне и официально открытую в 1941 году, возглавил Альфред Розенберг, ведущий стратег антисемитизма [11]. Целью института были исследования подробностей иудаизма и его истории как религии, а также его влияния на европейскую политику. Главная часть работы института состояла в сборе объемной коллекции книг и рукописей на иврите и других семитских языках, а также книг об иудаизме [12].

Институт работал совместно с другой организацией, Айнзацштабом* (Einsatzstab) рейхсляйтера Розенберга [13]. Айнзацштаб выполнял две главные задачи: сбор материалов для института и уничтожение «лишних» материалов. Большую часть руководства этой организацией осуществлял доктор Йоханнес Поль, который изучал библейскую археологию в Иерусалиме (1932–1934) и был католическим священником до того, как стал членом Национал-социалистической партии. Поль оставил священство, женился и стал куратором отдела еврейской и иудейской литературы в Staatsbibliothek zu Berlin (Берлинской государственной библиотеке), заняв эту должность после принудительного увольнения предыдущего куратора, Артура Шпанира, который был евреем. Мотивы Поля не вполне ясны, но после того, как он оставил священство, взгляды его стали крайне антисемитскими. Он начал публиковать антисемитские статьи в немецких газетах и журналах, используя свои познания в иврите и иудаизме, — к примеру, рассу-ж-

* Не путать с айнзацгруппами (Einsatzgruppen) — «группами быстрого развертывания», осуществлявшими террор на оккупированных нацистами территориях. — *Примеч. ред.*

дая об опасностях Талмуда (главного текста по иудейскому праву). В 1941 году Польша перебрался во Франкфурт, возглавив еврейский сектор института Розенберга. К апрелю 1943 года институт Розенберга владел свыше 550 000 томов, конфискованных из знаменитого еврейского собрания Франкфуртской городской библиотеки, а также библиотек Франции, Нидерландов, Польши, Литвы и Греции. Данный процесс хорошо документирован благодаря вниманию института к деталям и желанию режима иметь упорядоченную бюрократию с соответствующим документооборотом [15].

Во второй половине 1941 года, с началом войны на Восточном фронте, нацистский режим перешел от преследования евреев к их уничтожению. По мере того как германская военная машина катилась по Польше, России и государствам Балтии, евреи становились главной целью геноцида. Следом за армией двигались разнообразные организации, в задачу которых входило обеспечивать крайне антиеврейскую политику.

Во многих отношениях массовое убийство евреев нацистами не являлось чем-то новым. В течение столетий европейские евреи страдали от угнетения, как правило, от рук христианских сообществ, среди которых они жили. Волны преследований вынуждали евреев перемещаться из страны в страну; в XII веке они были изгнаны из Англии, в XV — из Испании. В других частях Европы отношение к евреям в разное время менялось. В 1516 году венецианские власти вынудили евреев поселиться на ограниченной территории, известной под названием Гетто, откуда и происходит данный термин.

В период 1500–1700 годов возросла цензура еврейских книг; к примеру, в 1553 году папским эдиктом было приказано

но сжечь экземпляры Талмуда [17]. В следующем, 1554 году в Венеции был отпечатан первый католический «Index Librorum Prohibitorum» («Список запрещенных книг»). Этот перечень включал свыше 1000 авторов и их трудов, в том числе полные собрания сочинений 290 в основном протестантских авторов, десять трудов Эразма Роттердамского, а также собрание еврейских законов, известное как Талмуд [18]. В недавние годы ученые начали обнаруживать листы из средневековых еврейских рукописей, использовавшиеся христианами переплетчиками как расходный материал для переплетов в таких городах, как Кремона, Павия и Болонья, после конфискации изначальных европейских рукописных книг [19]. В странах Центральной и Восточной Европы также преследовали евреев и периодически вводили цензуру, поводом для чего стали дебаты о Реформации в начале XVI века. К примеру, книги евреев Франкfurта были конфискованы в 1509–1510 годах в результате усилий Йоханнеса Пфедферкорна (1468/1469–1521), религиозного полемиста, который был воспитан иудеем, но перешел в католицизм, а затем посвятил себя запрету еврейских публикаций в католических германских землях [20]. Далее на восток погромы стали привычной частью страданий евреев-ашкеназов*, живших в черте оседлости, ограниченной территориями в западных регионах Российской империи (включая сегодняшнюю Украину, Белоруссию, страны Балтии, части Польши, а также Западную Россию), где евреям было разрешено селиться в период 1791–1917 годов [21].

* Самоназвание одной из ветвей евреев Центральной и Восточной Европы. Ашкеназ — принятое в еврейской средневековой среде название Германии.